

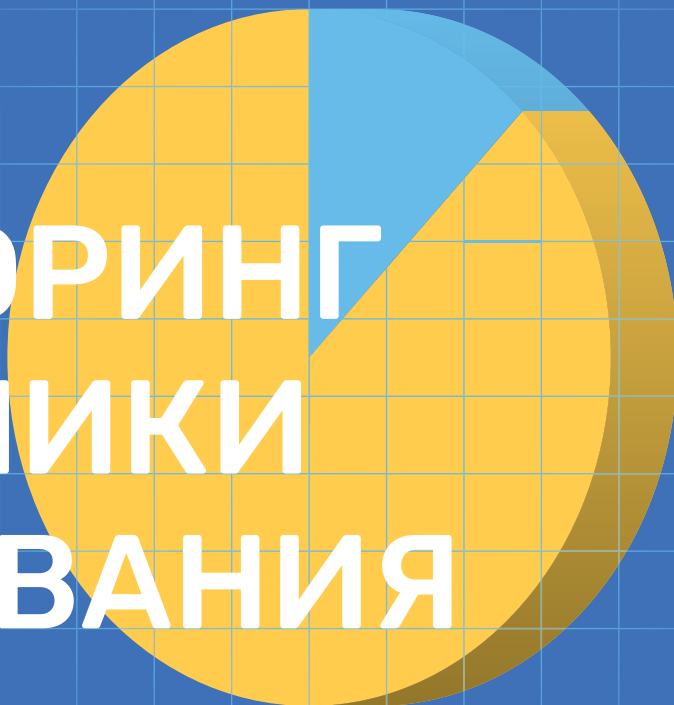
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОНИТОРИНГ
ЭКОНОМИКИ
ОБРАЗОВАНИЯ / 20
ЛЕТ

№ 12 (29)

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ ОБРАЗОВАНИЯ

Субъективное восприятие
образовательного неравенства
школьников

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ

2022

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОНИТОРИНГ
ЭКОНОМИКИ
ОБРАЗОВАНИЯ / 20
ЛЕТ

№ 12 (29)

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ ОБРАЗОВАНИЯ

Субъективное восприятие
образовательного неравенства
школьников

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ

МОСКВА 2022

УДК 316.74:373.5-057.874
ББК 60.56
С89

Редакционная коллегия:

Я. И. Кузьминов (главный редактор), Л. М. Гохберг, Н. Б. Шугаль

Авторы:

Ю. Д. Керша, младший научный сотрудник Центра общего и дополнительного образования
им. А. А. Пинского Института образования НИУ ВШЭ
Р. С. Звягинцев, младший научный сотрудник Центра общего и дополнительного образования
им. А. А. Пинского Института образования НИУ ВШЭ

Субъективное восприятие образовательного неравенства школьников : информационный бюллетень / Ю. Д. Керша, Р. С. Звягинцев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2022. – 32 с. – (Мониторинг экономики образования; № 12 (29)). – 60 экз. – ISBN 978-5-7598-2673-6 (в обл.).

В аналитическом докладе представлены результаты изучения нового для российской исследовательской повестки феномена – субъективного восприятия образовательного неравенства. В качестве базы данных использовались результаты Мониторинга экономики образования 2020 г., анкета домохозяйств. Авторы описывают и интерпретируют результаты с использованием традиционной рамки образовательного неравенства и рамки восприятия экономического неравенства, не столь часто применяемой в исследованиях образования. Субъективное восприятие системы образования значимо различается у людей с разным уровнем доходов и образования. Дискуссия строится вокруг вопроса о том, какие выводы могут быть сделаны для образовательной политики и, что более важно, для проблематики информирования населения, способов преодоления сложившейся ситуации.

Результаты исследования могут быть полезны для государственных служащих в сфере образования.

УДК 316.74:373.5-057.874
ББК 60.56

Публикация подготовлена в рамках проекта «Мониторинг экономики образования», реализуемого в соответствии с Тематическим планом научно-исследовательских работ и работ научно-методического обеспечения, предусмотренных Государственным заданием НИУ ВШЭ на 2022 год.

doi:10.17323/978-5-7598-2673-6
ISBN 978-5-7598-2673-6

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2022
При перепечатке ссылка обязательна

Содержание

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ АББРЕВИАТУРЫ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1. МЕТОДОЛОГИЯ	6
2. ОЦЕНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЕТЕЙ В РОССИИ	8
3. НЕРАВЕНСТВО АКАДЕМИЧЕСКИХ ПРИТЯЗАНИЙ	18
КЛЮЧЕВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	25
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	26
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	28

Используемые аббревиатуры

- ЕГЭ** – Единый государственный экзамен
- НИУ ВШЭ** – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- ОГЭ** – Основной государственный экзамен
- СПО** – среднее профессиональное образование
- СЭС** – социально-экономический статус

Введение

Неравенство в широком смысле — одна из наиболее важных и труднопреодолимых существующих общественных проблем [Куракин, 2020]. Во многом его выражением является образовательное неравенство, его активно изучают в исследованиях образования [Coleman, 1966; Dietrichson, Bæg, Filges, 2017; Sirin, 2005]. У образовательного неравенства множество аспектов: неравномерное распределение образовательных ресурсов [Colclough, 2012], территориальное неравенство [Amini, Nivorozhkin, 2015], сравнительно новое цифровое неравенство [Stern, Adams, Elsasser, 2009], классовое неравенство [Bourdieu, 1986] и т.д. В настоящей работе исследуется практически не изученное субъективное восприятие образовательного неравенства в России.

Исследование этого вопроса важно не только с академической стороны, но и с точки зрения образовательной политики и общественных настроений. Разворачивающиеся в обществе дискуссии о социальной справедливости часто касаются образования и образовательного неравенства. Социологические опросы показывают, что в обществе снова растет запрос на высшее образование [ФОМ, 2020]. Его доступность во многом обусловлена социально-экономическим положением ребенка и уровнем благополучия школы, в которой он учился [Хавенсон, Чиркина, 2019]. Но что мы знаем о том, как граждане РФ воспринимают неравенство? Для компетентного обсуждения вопроса требуются данные, показывающие, важен ли он и, если важен, какие стороны образовательного неравенства волнуют россиян в наибольшей мере.

Субъективное восприятие неравенства часто обсуждается в связи с социально-экономическим неравенством. Показано, что большинство людей достаточно плохо представляют себе, насколько неравенство характерно для общества, в котором они живут [Gimpelson, Treisman, 2018]. В обществах,

где декларируются меритократические ценности, люди с более низким социально-экономическим статусом (СЭС) острее воспринимают неравенство доходов в обществе. Люди с высоким СЭС, наоборот, поддерживают существующее неравенство, считают его справедливым [Roex, Huijts, Sieben, 2018]. Мы задались вопросом: что знают (и думают) об образовательном неравенстве в РФ родители школьников с разным СЭС?

Как выяснилось, исследований на эту тему практически нет, есть лишь косвенные данные. Например, прозрачность в образовательной микросистеме (классе, школе) совершенно не обязательно будет полезна, особенно для детей с низким СЭС: если учащиеся знают о том, как сильно отличается успеваемость у разных детей, это приводит к снижению результатов учащихся с низким СЭС [Goudeau, Croizet, 2016]. Здесь проявляется известная закономерность: люди с более высоким СЭС стабильно оценивают себя выше, если спросить их мнение о том, насколько они умны [Kudrna, Furnham, Swami, 2010]. В случае со школьниками СЭС влияет и на позитивное восприятие ими своих навыков (самоэффективность), и на непосредственные результаты. Более того, СЭС связан с результатами не напрямую, а опосредованно — через самоэффективность [Wiederkehr, Darnon, Chazal, 2015].

Мы рассматриваем основные вопросы, раскрывающие тему субъективного восприятия образовательного неравенства: какова субъективная оценка семьями положения своего ребенка и чужих детей на «лестнице» качества образования, кто должен отвечать за педагогический процесс и высокие результаты школьников, как реальное неравенство поддерживается за счет субъективного восприятия и ряд других. Таким образом мы хотим сделать первый шаг в изучении того, воспринимают ли российские семьи образовательное неравенство и каким образом.

1. Методология

В работе были использованы данные Мониторинга экономики образования 2020 г. Мониторинг представляет собой масштабный ежегодный проект по сбору и анализу данных о ситуации в образовании на всех уровнях образовательной системы. Опросы проводятся раз в год среди разных участников образовательного процесса. В этом исследовании были использованы результаты опроса представителей домохозяйств – родителей детей, посещающих общеобразовательные организации. Опрашивали одного родителя от каждого домохозяйства, участвующего в исследовании. Обследование проводилось по онлайн-панели. Для повышения репрезентативности полученные результаты были взвешены с помощью коэффициентов, учитывающих региональную принадлежность респондентов, тип населенного пункта и тип образовательной организации. Процедура взвешивания позволяет избежать смещений при отборе участников анкетирования и с большей уверенностью утверждать, что полученные выводы отражают ситуацию в целом по России. Всего опрошено 9069 родителей из восьми федеральных округов.

Наиболее полно объективный СЭС семей в обществе отражают характеристики:

- уровень дохода домохозяйства;
- уровень полученного респондентом образования;
- тип населенного пункта, в котором проживает респондент.

По уровню дохода все домохозяйства были разделены на три группы: с доходом ниже среднего (16%), средним (42%) и выше среднего (42%). Для сравнения ответов респондентов из домохозяйств с доходом ниже и выше среднего предусмотрены группы «низкий доход» и «высокий доход» соответственно. Группа

родителей со средним доходом не представлена, поскольку изначально поставлена задача обсудить неравенство как разрыв между семьями с низким и высоким СЭС в рамках этого опроса. Распределение доходных групп по другим переменным СЭС представлено в табл. 1, 2.

По уровню образования респонденты были разделены на группы: лица с высшим образованием (высшее; второе и т.д. высшее; ученая степень) и без него (начальное, основное или среднее общее, среднее профессиональное, неполное высшее). В первую группу вошли 58% респондентов, а во вторую – 42%. Распределение групп в разрезе уровня образования и по типу территории представлено в табл. 1 и 3.

Респонденты сгруппированы по типу населенного пункта, где они проживают: более 1 млн человек (29%) и до 100 тысяч человек (34%). Жители населенных пунктов с населением от 100 тыс. до 1 млн человек не рассматриваются в работе. Распределение респондентов из населенных пунктов разных типов, построенное по другим переменным СЭС, представлено в табл. 2 и 3.

Распределение ответов приводились как в общем по выборке, так и в разрезе уровня дохода и образования. Во втором случае ответы приведены с распределением внутри конкретной группы. Из-за этого, когда речь идет о сравнении групп, сумма процентов отличается от 100%. Кроме того, часть вопросов предполагает множественный выбор: респонденты могли выбрать не один, а сразу несколько подходящих вариантов ответа. В таких ситуациях сумма ответов также не равняется 100%, а результат по каждому вопросу показывает, сколько респондентов выбрали его. Часть вопросов не сопровождается ответами: на них отвечали не все респонденты. В таких случаях

Табл. 1. Распределение респондентов по доходу и уровню образования

Доход	Нет высшего образования		Есть высшее образование		Всего	
	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки
Доход ниже среднего	792	9	634	7	1426	16
Средний доход	1721	19	2124	23	3845	42
Доход выше среднего	1277	14	2521	28	3798	42
Всего	3790	42	5279	58	9069	100

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Табл. 2. Распределение респондентов по доходу и типу населенного пункта

Доход	До 100 тыс. чел.		100 тыс. – 1 млн чел.		Более 1 млн чел.		Всего	
	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки
Доход ниже среднего	706	8	482	5	238	3	1426	16
Средний доход	1599	18	1414	16	832	9	3845	42
Доход выше среднего	793	9	1438	16	1567	17	3798	42
Всего	3098	34	3334	37	2637	29	9069	100

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Табл. 3. Распределение респондентов по наличию высшего образования и типу населенного пункта

Высшее образование	До 100 тыс. чел.		100 тыс. – 1 млн чел.		Более 1 млн чел.		Всего	
	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки	Абс. число, чел.	В процентах от общей выборки
Нет	1574	17	1362	15	854	9	3790	42
Есть	1524	17	1972	22	1783	20	5279	58
Всего	3098	34	3334	37	2637	29	9069	100

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

приводились доли только от численности ответивших на данный вопрос респондентов. На отдельных рисунках иллюстрируются не все категории ответов, в результате сумма также отличается от 100%.

При использовании результатов анализа следует учитывать важное ограничение. В 2020 г. анкетирование Мониторинга эконо-

мики образования проходило в онлайн-формате. В результате выборка респондентов несколько смещена в сторону респондентов с высоким СЭС: у них есть доступ в интернет и технические средства для прохождения опроса. Ситуация по России в среднем другая, что частично компенсируется использованием весовых коэффициентов.

2. Оценка образовательных возможностей детей в России

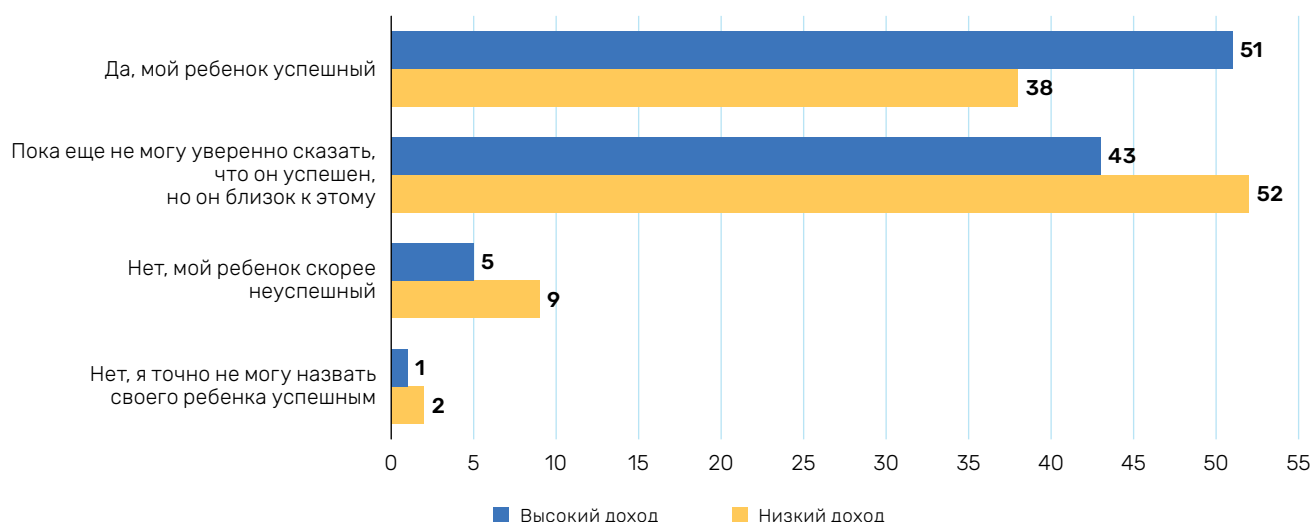
Мы решили начать с общих вопросов об успешности учащихся школ. Прежде всего, необходимо понять, как родители с разным СЭС оценивают своих детей по абсолютной и относительной шкалам. Уже на этом этапе мы видим, как расходятся субъективные оценки детей их родителями.

Родители с высоким уровнем дохода значительно чаще (51% против 38%) отвечают, что их ребенок успешен в учебе (рис. 1). Как известно, люди с высоким СЭС оценивают себя выше, чем с низким [Kudrna, Furnham, Swami, 2010]. Наше исследование показывает, что этот эффект распространяется не только на самого респондента, но и на его/ее детей. Практически то же самое видно при распределении ответов по типу населенного пункта (рис. 2).

Далее рассмотрим относительную оценку: родители сравнивали своего ребенка с представляемым респондентом большинством его сверстников (рис. 3–6). Здесь мы наблюдаем похожую картину: родители с высоким СЭС чаще ставят своих детей выше среднего и на относительной шкале, считают их успешнее большинства сверстников. Причем это касается как знаний и навыков (68% против 50%), так и построения успешной образовательной (67% против 42%) и профессиональной траекторий (66% против 52%). Лишь в случае с профессиональной траекторией мы наблюдаем менее значимые различия между группами респондентов. Примечательно, что эта закономерность сохраняется и тогда, когда респонденты отвечают на вопросы об образовательной организации:

Рис. 1. Оценка родителями успешности их детей в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

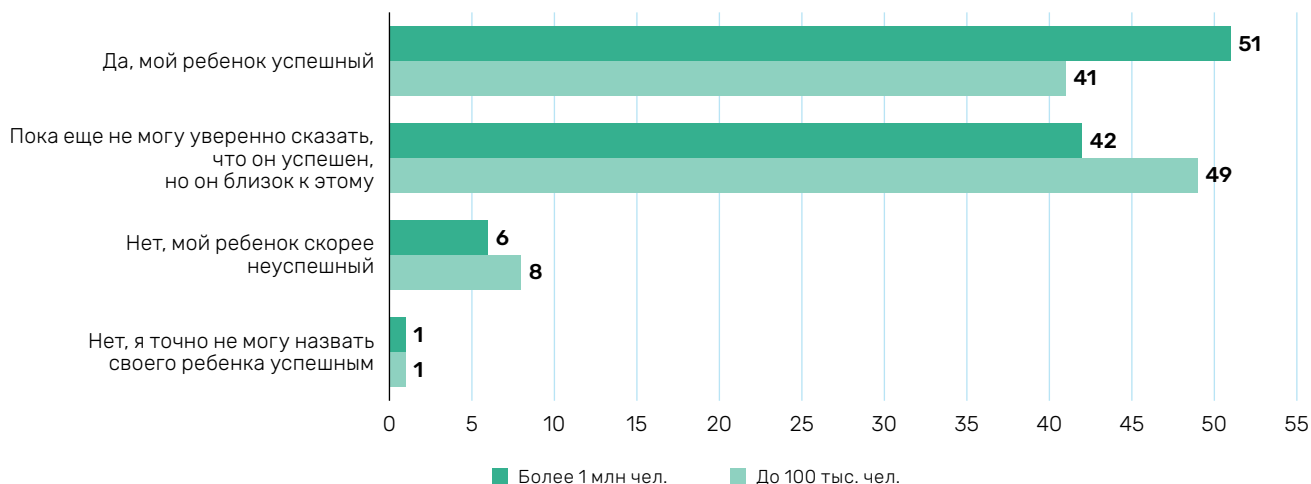
❓ Можете ли Вы сейчас назвать своего ребенка успешным в учебе?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 2. Оценка родителями успешности их детей в зависимости от типа населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

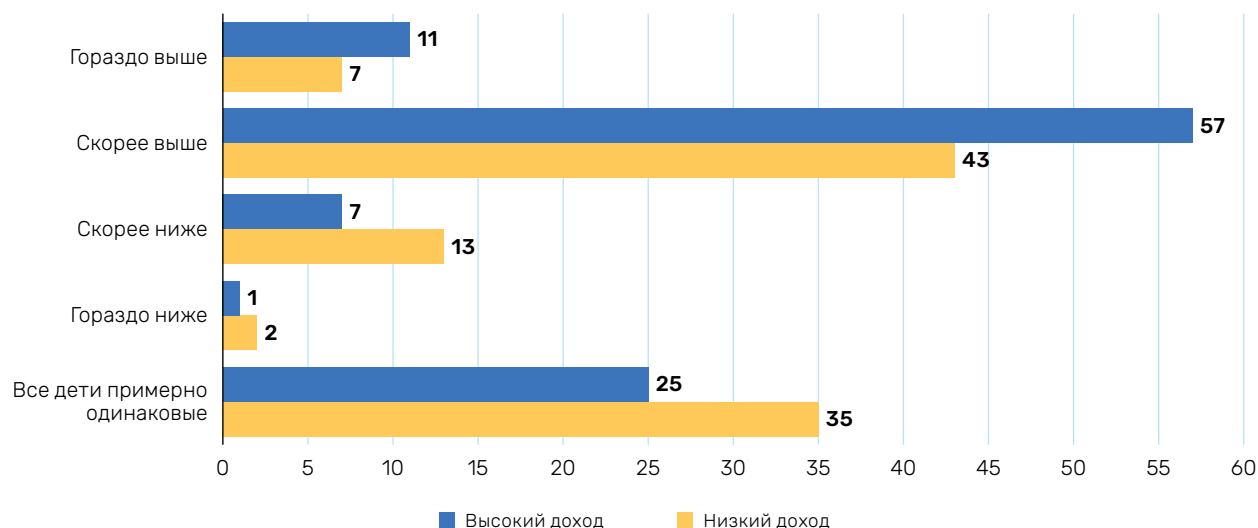
❓ Можете ли Вы сейчас назвать своего ребенка успешным в учебе?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 3. Сравнение родителями своих детей с их сверстниками по уровню знаний и навыков в зависимости от доходов семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Как бы Вы оценили Вашего ребенка по сравнению с большинством его сверстников по уровню знаний и навыков?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

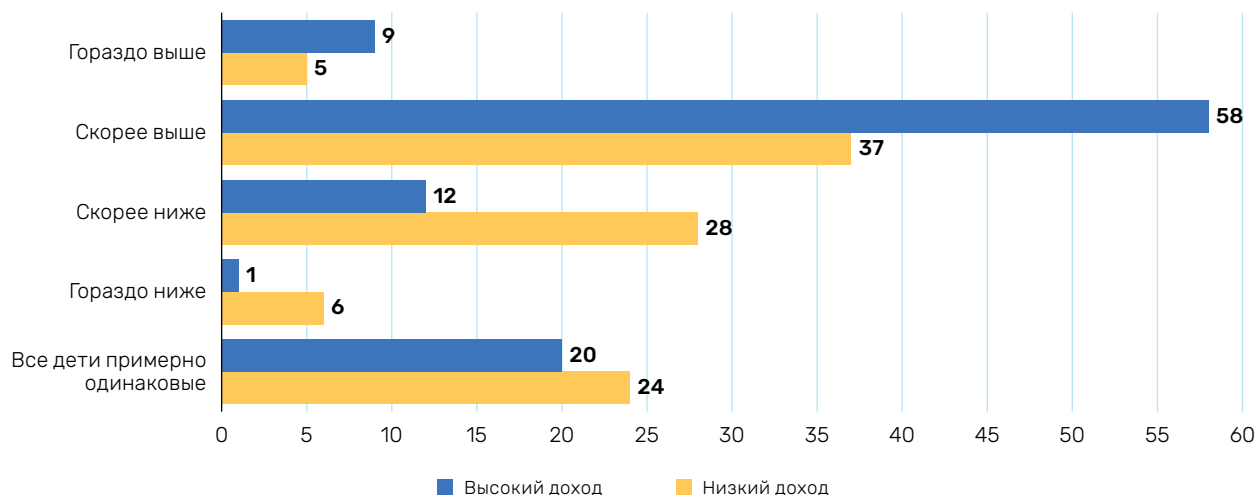
школу, в которой учатся их дети, родители с высоким СЭС тоже чаще считают лучше, чем большинство школ в стране (59% против 45%).

Более того, родители с разным уровнем образования разошлись во мнениях относительно равенства детей в принципе (рис. 7).

Родители, имеющие высшее образование, реже считают, что у всех детей одинаковый уровень знаний (23% против 38%), одинаковые возможности получить хорошее образование (20% против 29%) и построить карьеру (25% против 32%). Возможно, кому-то из родителей

Рис. 4. Сравнение родителями своих детей с их сверстниками в плане возможности получить хорошее образование в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

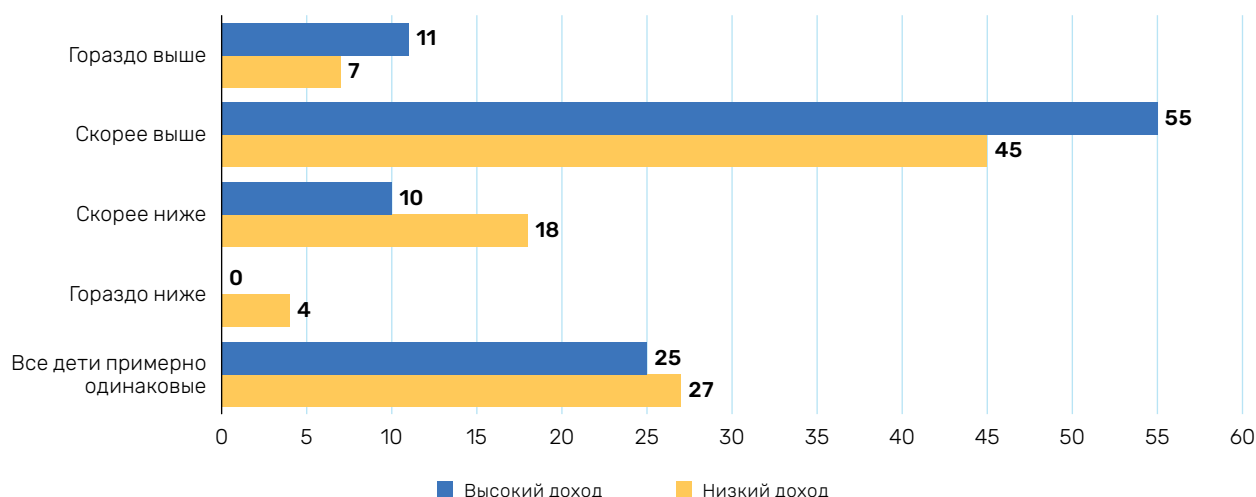
❓ Как бы Вы оценили шансы Вашего ребенка получить хорошее образование по сравнению с большинством его сверстников?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 5. Сравнение родителями своих детей с их сверстниками в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Как бы Вы оценили шансы Вашего ребенка на успешную профессиональную карьеру по сравнению с большинством его сверстников?

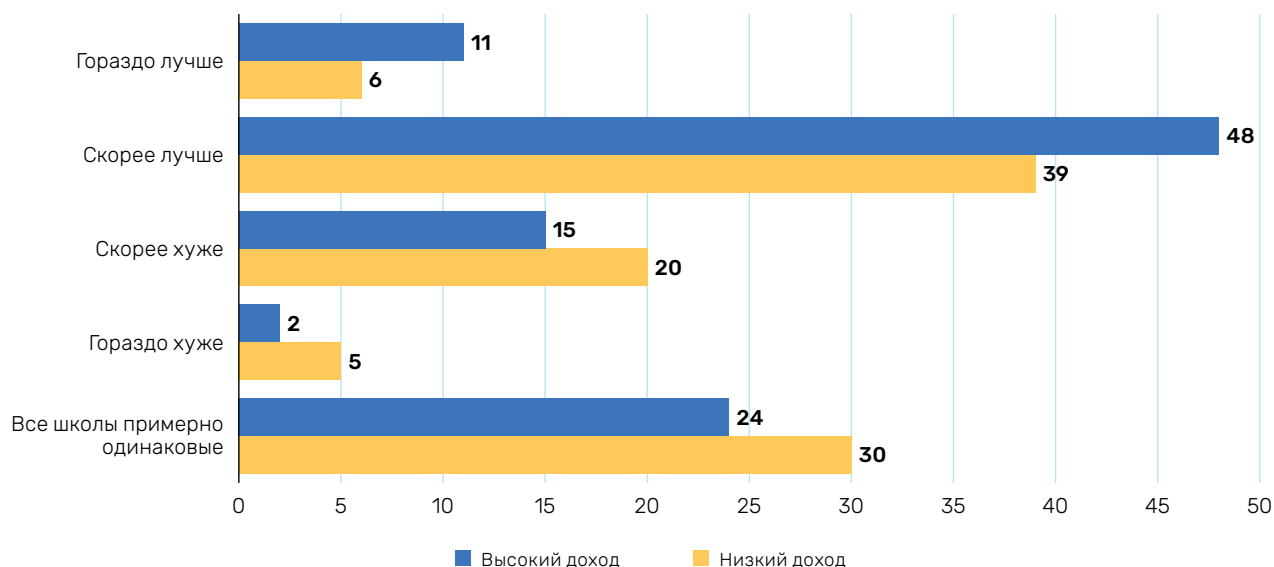
Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

не хватило информации [Хавенсон, Чиркина, 2019]: образованные родители лучше знают, «как обстоят дела на самом деле», либо родители разделяют представление о справедливости текущего положения [Cappelen, Falch, Tungodden, 2020].

Родителей также спрашивали, что они считают условием успешности ребенка (рис. 8). Респонденты оказались привержены идее меритократии. Родители с высоким СЭС чаще указывают на личные качества ребенка. Высокие природные способности важны

Рис. 6. Сравнение родителями своих детей с их сверстниками в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Как бы Вы оценили качество образования в школе, где учится Ваш ребенок, по сравнению с большинством остальных школ РФ?

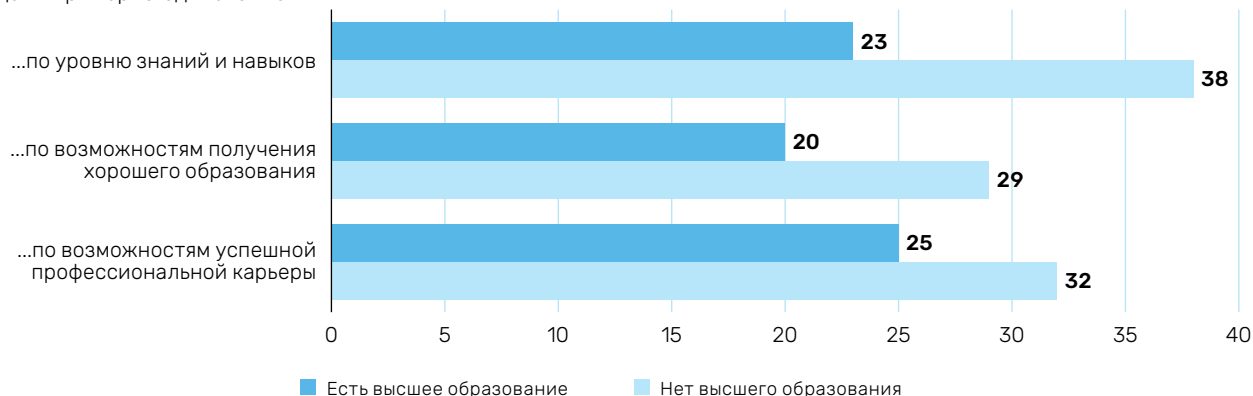

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 7. Сравнение родителями своих детей с их сверстниками в зависимости от уровня образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе, согласившихся с вариантом ответа «все дети примерно одинаковые»)

❓ Как бы Вы оценили Вашего ребенка по сравнению с большинством его сверстников?

Все дети примерно одинаковые...

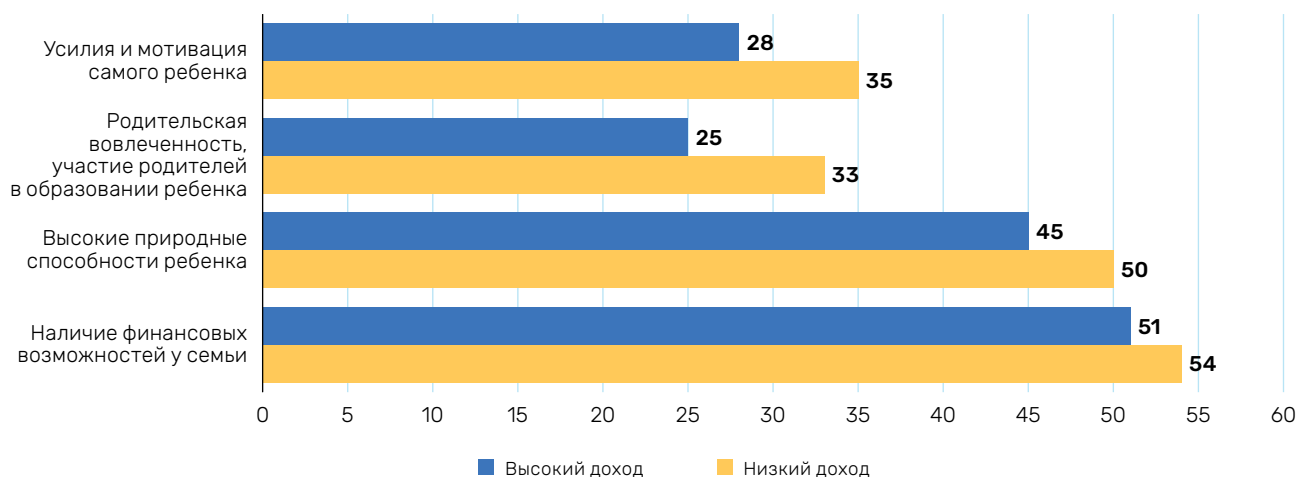
Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

для образовательной успешности по мнению 33% родителей с высоким доходом и лишь для 25% – с низким. Интересно, что здесь распределение ответов не зависит от типа населенного пункта (рис. 9). Так, например, родители из небольших городов чаще считают, что важны

усилия и мотивация самого ребенка, но различия незначимы. На финансовые ресурсы значительно чаще указывают родители из больших городов. Вероятно, там очевидна ценность денег для получения образования: дороже стоит внешкольное обучение, услуги репетитора и т.д.

Рис. 8. Факторы успешности ребенка в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

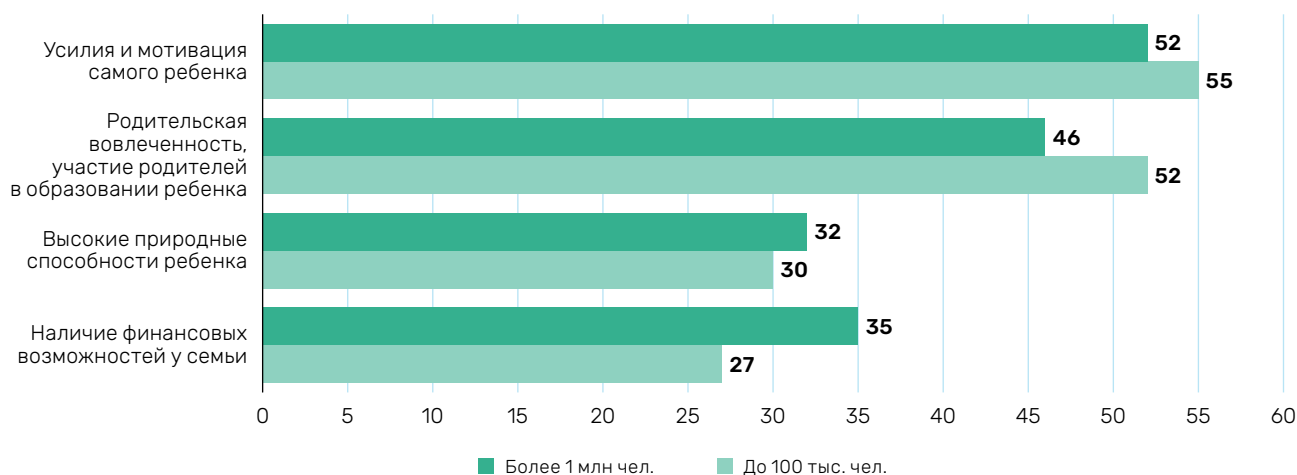
❓ Что из перечисленного способствует образовательной успешности Вашего ребенка?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 9. Факторы успешности ребенка в зависимости от типа населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Что из перечисленного способствует образовательной успешности Вашего ребенка?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Когда респондентов спрашивали о возможностях детей из семей с низкими доходами, то родители с высоким СЭС и из крупных населенных пунктов чаще говорят о том, что у этих детей есть шансы на хорошее образование (26% против 18%) и успешную карьеру (30% против 22%) (рис. 10–12). Фактически так проявляется схожесть субъективной оценки образовательного неравенства и экономического: люди с большими возможностями чаще говорят,

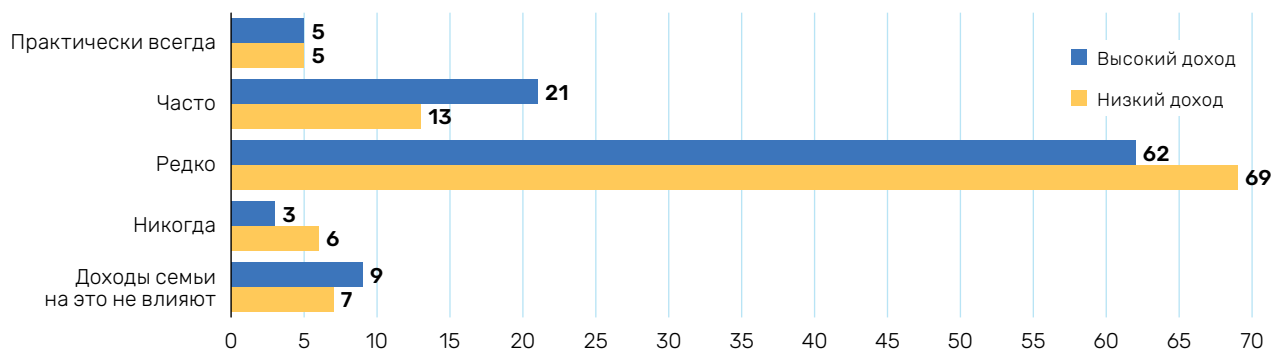
что шансы есть у всех, как бы игнорируя неравенство, а те, у кого меньше возможностей, указывают на меньшие шансы детей из семей с низкими доходами.

Родители с высоким СЭС значительно чаще говорят о большей успешности своих детей по сравнению с другими и об индивидуальных и семейных характеристиках как условиях успеха. Это перекликается с исследованиями меритократических установок: дети из семей

Рис. 10. Возможности детей из семей с низкими доходами в зависимости от уровня дохода семьи

(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ На Ваш взгляд, как часто детям из семей с низкими доходами удастся получить хорошее образование?

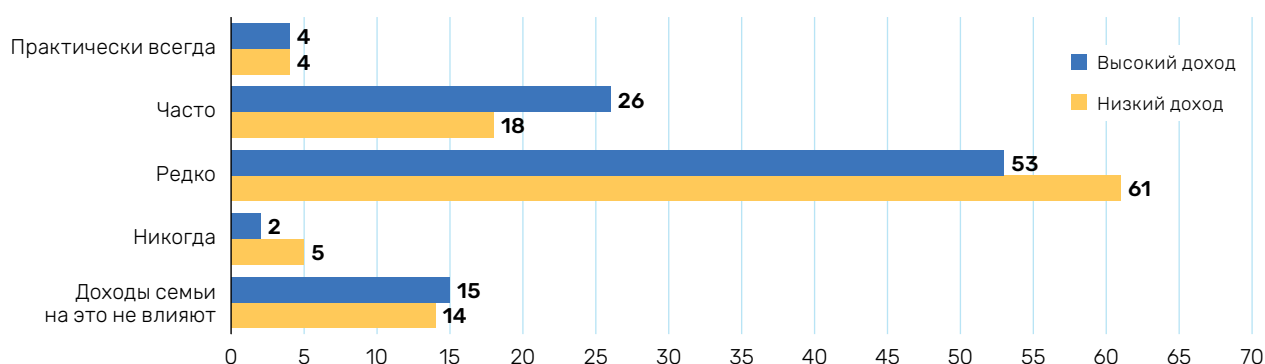

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 11. Возможности детей из семей с низкими доходами в зависимости от уровня дохода семьи ответивших родителей

(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ На Ваш взгляд, как часто детям из семей с низкими доходами удастся успешно выстроить карьеру?

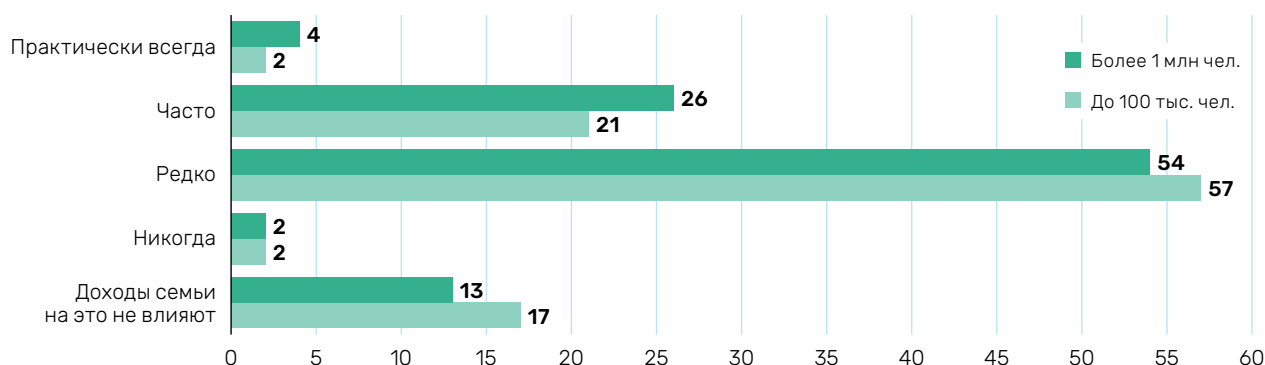

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 12. Возможности детей из семей с низкими доходами в зависимости от размера населенного пункта

(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ На Ваш взгляд, как часто детям из семей с низкими доходами удастся успешно выстроить карьеру?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

с высоким СЭС реже верят во внешние причины своего успеха [Kay, Shane, Heckhausen, 2017], люди с высоким СЭС более склонны поддерживать систему, в которой они существуют [Zimmerman, Reyna, 2013]. Как показывают исследования Всемирного банка в Индии, даже если на государственном уровне принимаются системные меры по улучшению системы образования (дополнительные инвестиции, адресная помощь), семьи с высоким доходом и высшим образованием выигрывают непропорционально больше, чем все остальные [The World Bank, 2021].

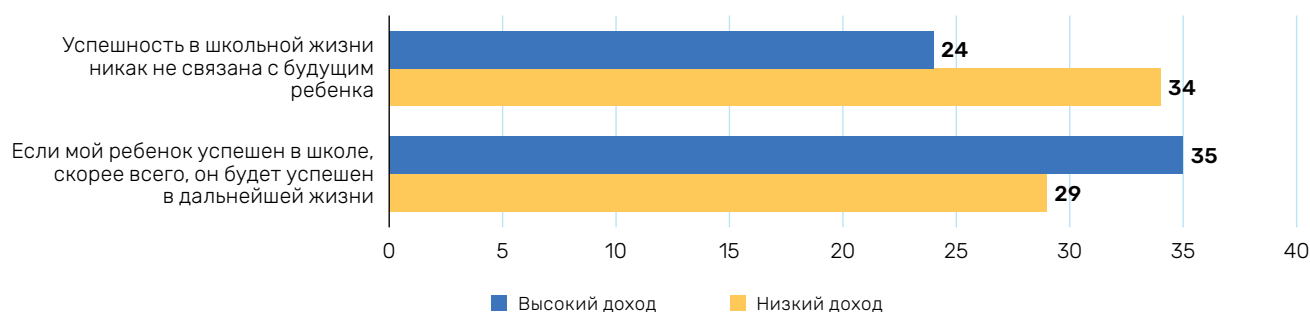
У родителей с низким СЭС меньше веры в то, что успешность ребенка в школе как-либо связана с его успехами в будущем (29% родителей с высоким доходом против 35% родителей

с низким доходом) (рис. 13). Весьма вероятно, что родители с низким СЭС меньше доверяют образовательной системе вообще [Niedlich, Kallfaß, Pohle et al., 2021]. Распределение ответов в зависимости от типа населенного пункта показывает более сглаженную картину и незначительные различия (рис. 14).

Этот вывод подтвержден на рис. 15: родители с низким СЭС существенно чаще отмечают, что современная система образования затрудняет получение хорошего образования (86% против 70%). Они же реже считают, что за низкие результаты учащихся несет ответственность семья и сам ученик (29% против 37%), хотя различия незначимы. В территориальном разрезе эти различия так же сглаживаются, как и в предыдущем случае (рис. 16). Различие

Рис. 13. Связь школьной успешности с будущим в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

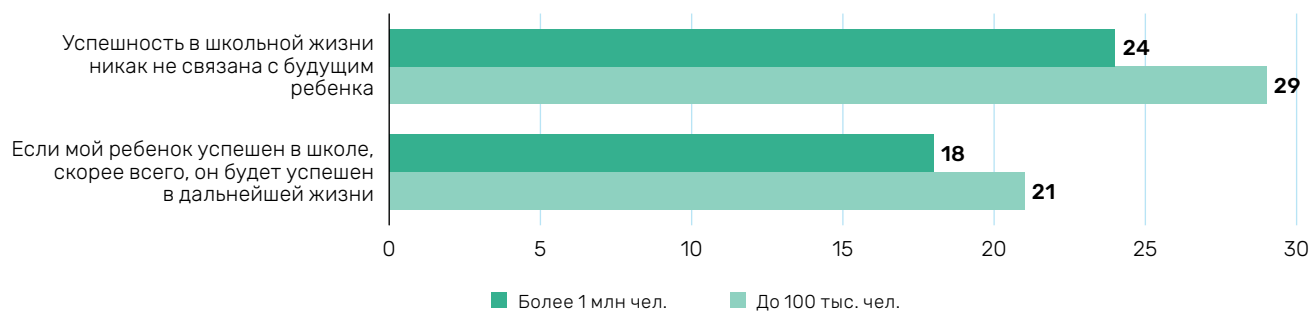
❓ Оцените, насколько успешность Вашего ребенка в школе определяет его успешность в будущем.

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 14. Связь школьной успешности с будущим в зависимости от размера населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

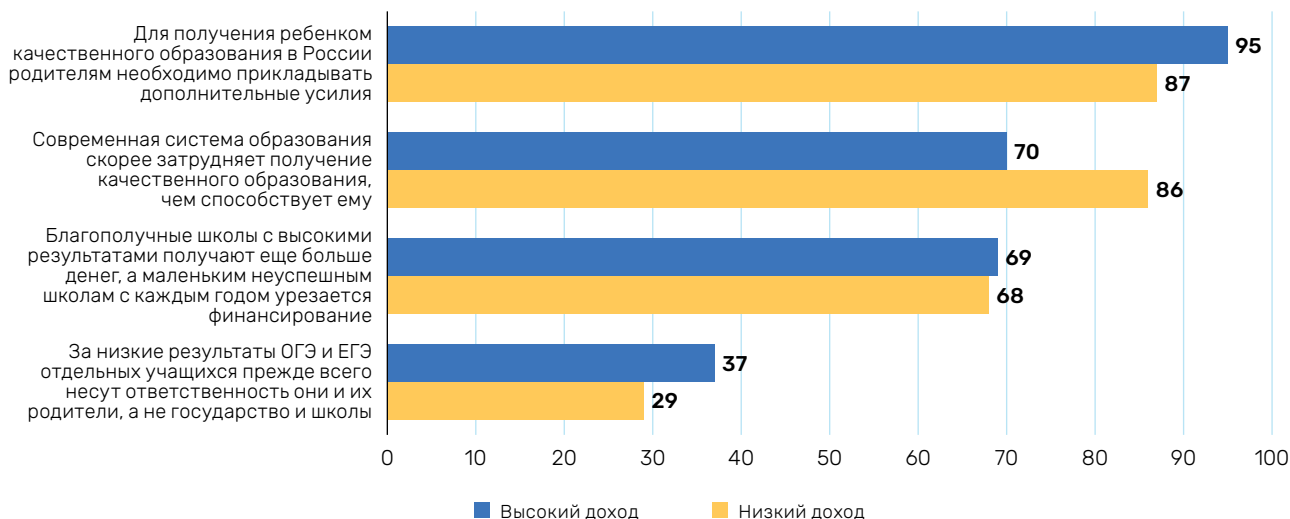
❓ Оцените, насколько успешность Вашего ребенка в школе определяет его успешность в будущем.

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 15. Ответственность за результаты ребенка в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

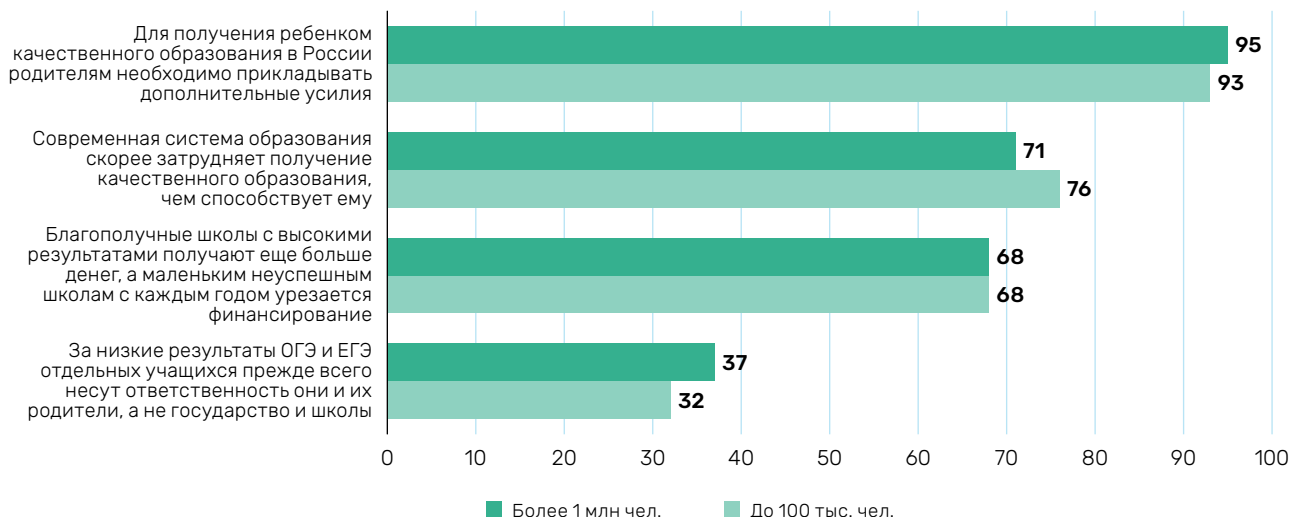
❓ **Согласны ли Вы со следующими утверждениями?**

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 16. Ответственность за результаты ребенка в зависимости от типа населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ **Согласны ли Вы со следующими утверждениями?**

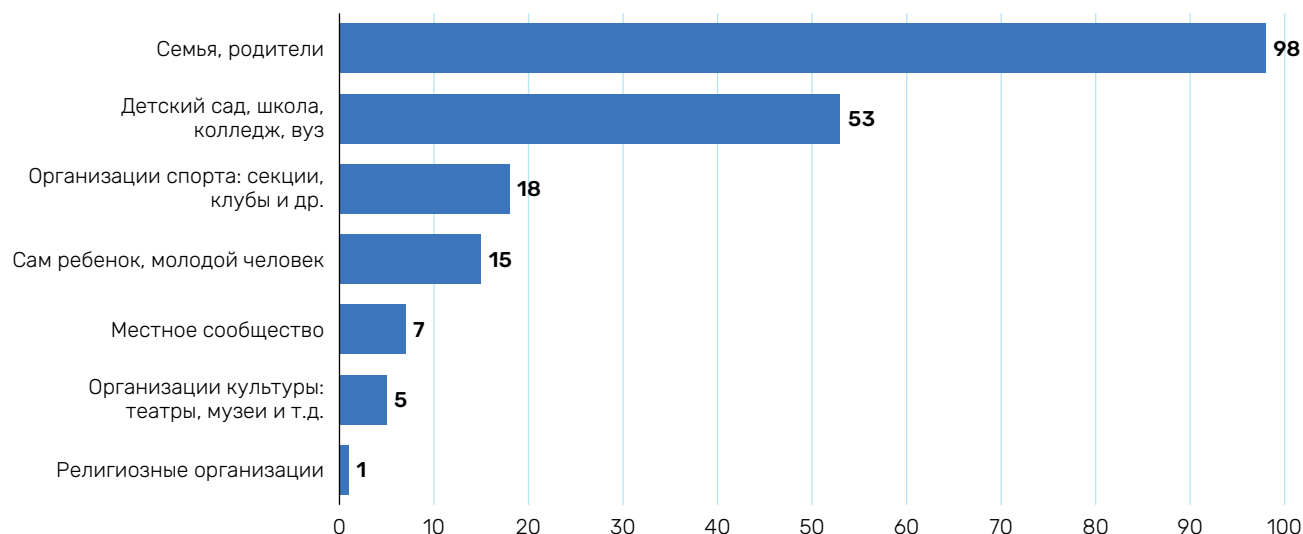
Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

в цифрах незначительное, но в каком-то смысле это говорит о том, что родителям с низким СЭС не ясно, кто же отвечает за образовательные результаты учащихся. Можно предположить, что родители одновременно и возлагают ответственность на школу, и считают, что она

не справляется. При этом не очень понятно, на какие критерии ориентируются родители. Вне зависимости от СЭС очень многие родители считают, что им нужно прикладывать какие-то дополнительные усилия, чтобы ребенок получил качественное образование.

Рис. 17. Ответственность за воспитание ребенка

(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

? Кто, на Ваш взгляд, в наибольшей степени отвечает за воспитание детей и молодежи?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Большинство родителей во всей выборке соглашаются с первыми тремя утверждениями (рис. 16). Очевидно, что в обществе есть серьезный запрос на социальную справедливость в образовании, которую сейчас родители, видимо, не чувствуют.

Когда родителям задавали аналогичный вопрос о воспитании, почти все (98%) ответили, что за это ответственна семья (рис. 17). Системе дошкольного, школьного и высшего образования воспитание готова доверить только половина (53%) опрошенных родителей, спортивным организациям — лишь 18% семей.

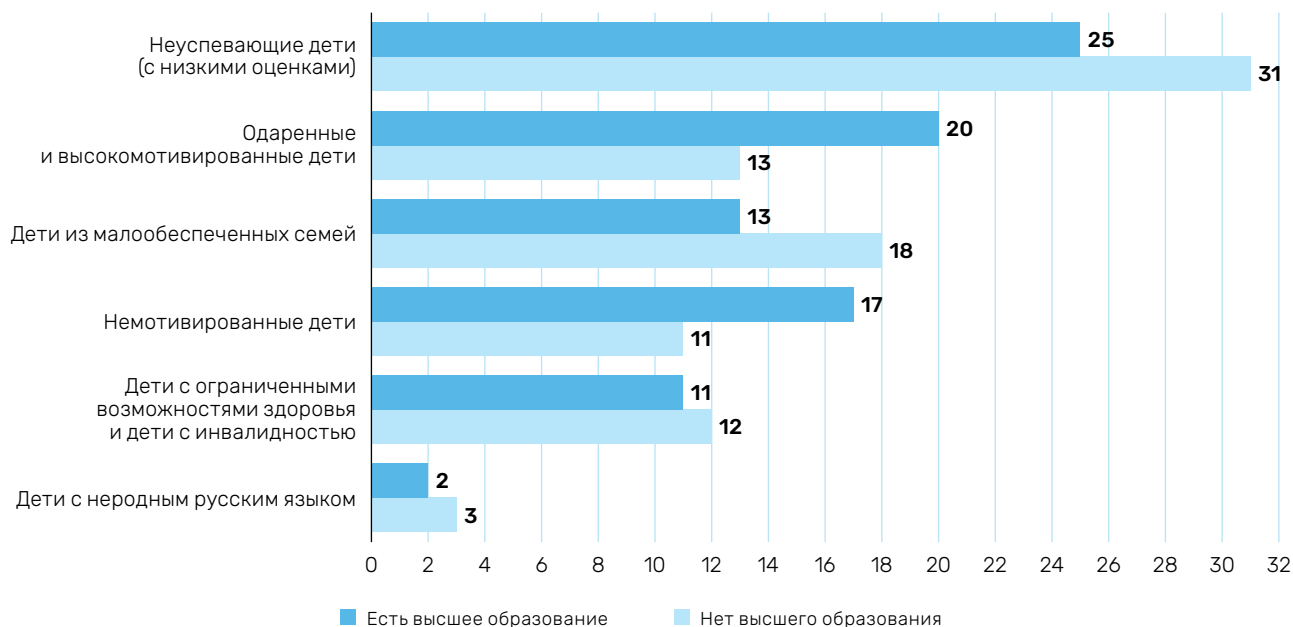
Еще один способ косвенно оценить, разные ли возможности у детей в российских школах, — спросить у родителей о том, какие категории учащихся больше нуждаются в поддержке (рис. 18). Наиболее популярен социально желательный ответ «на всех детей в равной мере», но если посмотреть на остальные варианты,

то видны интересные различия. Родителей с высшим образованием больше волнует мотивация учащихся: они чаще родителей без высшего образования говорят о том, что работать надо с высокомотивированными (20% против 13%) и, наоборот, немотивированными (17% против 11%) детьми. Те, у кого нет высшего образования, в большей степени обеспокоены проблемами неуспешности (31% против 25% с высшим образованием) и бедности (18% против 13%). Ни та, ни другая группа не сочла детей с неродным русским языком потенциально нуждающимися в помощи.

Если же смотреть ответы с распределением по типу населенного пункта, то очевиден принципиально иной расклад: нуждающимися в поддержке признаны одаренные и дети из малообеспеченных семей, такого мнения чаще придерживаются жители больших городов.

Рис. 18. Категории детей, нуждающиеся в поддержке, в зависимости от уровня образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

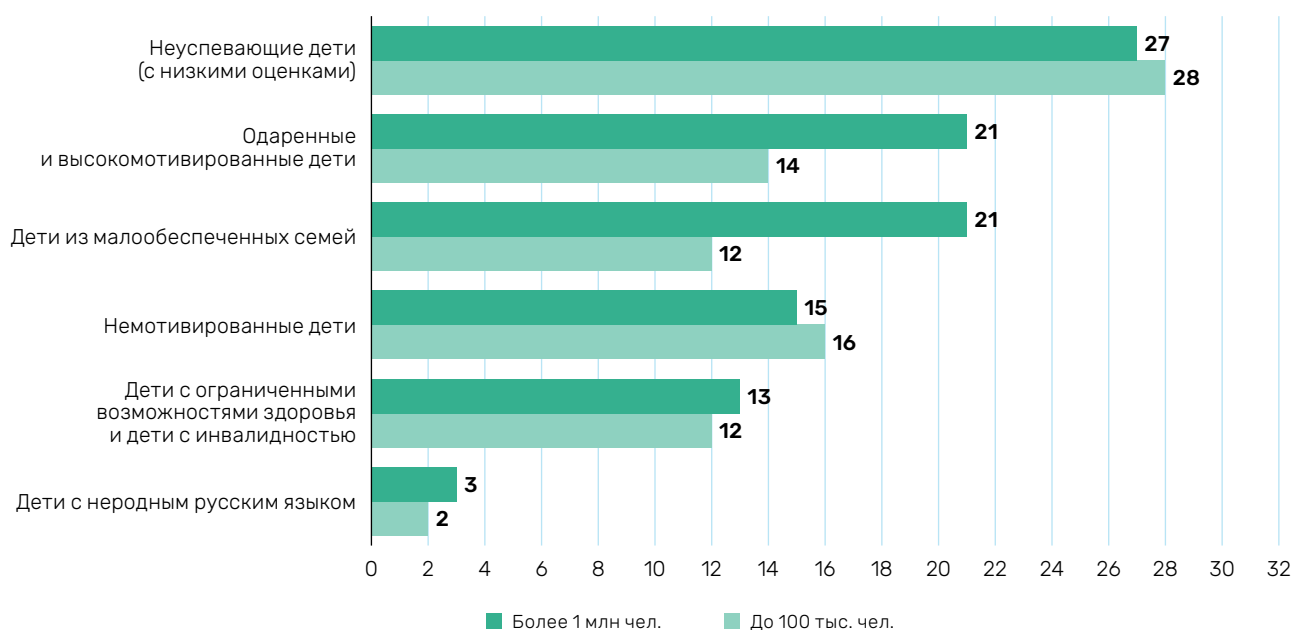
❓ На какие категории детей, по Вашему мнению, школе стоит тратить больше педагогических усилий, чем тратится сейчас?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 19. Категории детей, нуждающиеся в поддержке, в зависимости от типа населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ На какие категории детей, по Вашему мнению, школе стоит тратить больше педагогических усилий, чем тратится сейчас?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

3. Неравенство академических притязаний

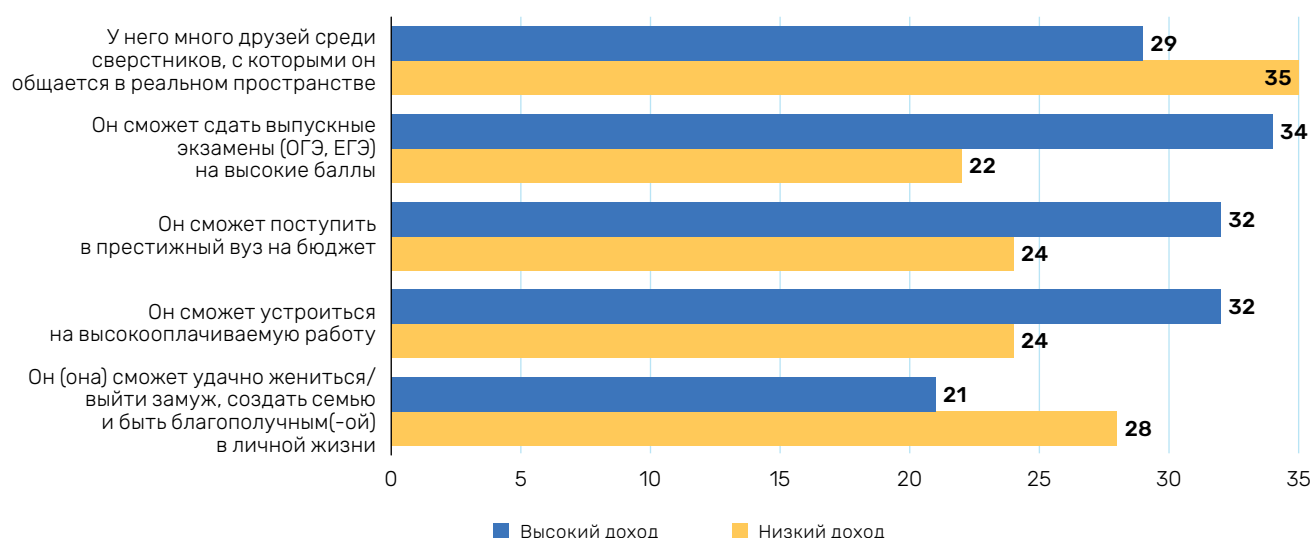
У родителей с разным СЭС различные представления об образовательных и жизненных траекториях их детей и успешности в жизни (рис. 20). Для родителей с высоким уровнем дохода более важны вопросы образовательной траектории (32% против 24%), хотя и статистически незначимо, и карьеры (32% против 24%), а для родителей с низким — социальные стороны жизни: друзья (35% против 29%), свадьба, семейное благополучие (28% против 21%). Это перекликается с тем, что дети из семей с низким СЭС получают в среднем меньше семейной поддержки в ситуациях, когда выбирают академический трек (особенно если они первые в семье, кто на это идет) [Sy, Fong, Carter et al., 2011]. Распределение по типу населенного пункта повторяет рас-

пределение по доходам с одним исключением — благополучием в семейной жизни (рис. 21).

Если же перейти к притязаниям напрямую, картина становится еще рельефнее (рис. 22, 23). Родители без высшего образования чаще отвечают, что хотели бы, чтобы их ребенок закончил какой-нибудь вуз (57% против 48%) или учреждение среднего профессионального образования (СПО) (9% против 2%), а родители с высшим образованием — чтобы закончил селективный вуз (34% против 23%). Что касается оценки реальных перспектив, то различия не только даже усиливаются (рис. 24, 25). Например, о возможности для ребенка получить среднее профессиональное образование сообщили 26% родителей без

Рис. 20. Критерии успешности детей в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

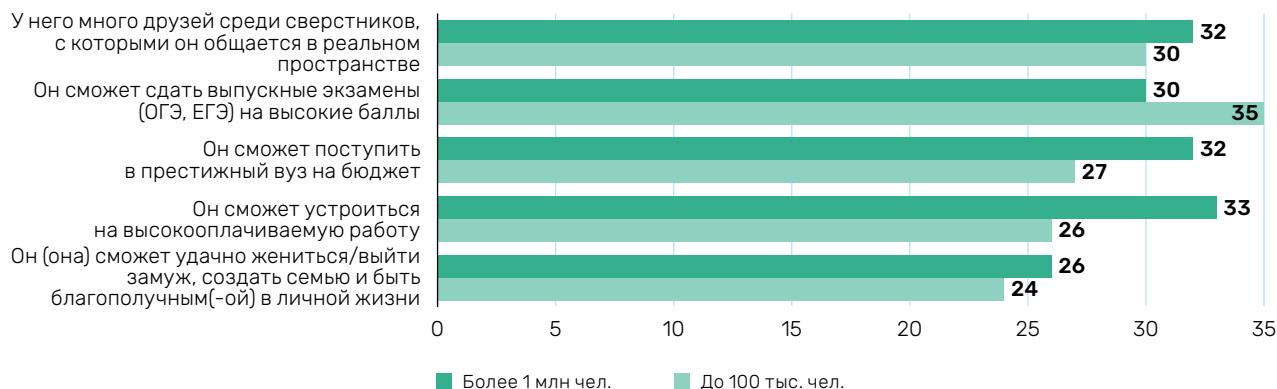
❓ Какие из перечисленных позиций в большей степени отражают Ваше представление об успешности Вашего ребенка?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 21. Критерии успешности детей в зависимости от типа населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

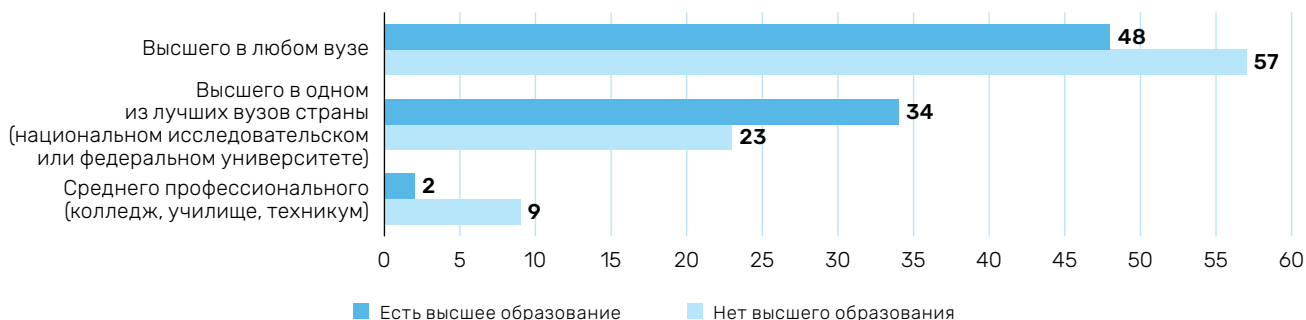
❓ Какие из перечисленных позиций в большей степени отражают Ваше представление об успешности Вашего ребенка?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 22. Образовательные притязания родителей в зависимости от уровня образования
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

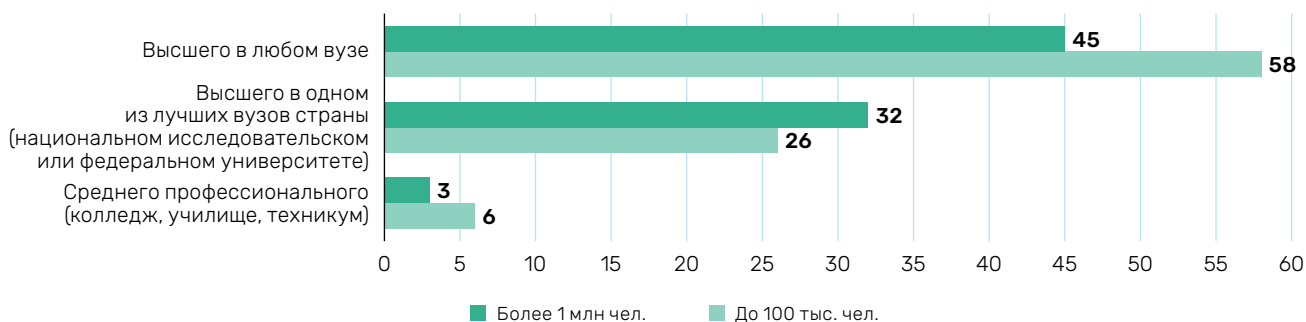
❓ Какого максимального уровня образования Вы бы хотели, чтобы достигли Ваши дети?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 23. Образовательные притязания родителей в зависимости от типа населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Какого максимального уровня образования Вы бы хотели, чтобы достигли Ваши дети?

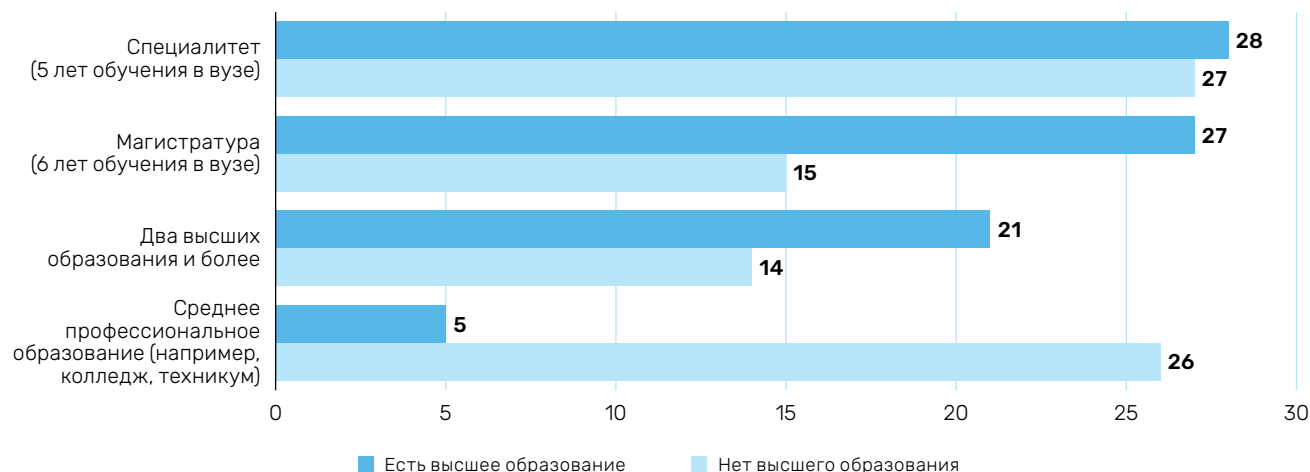

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 24. Образовательные ожидания родителей в зависимости от уровня образования

(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Как Вы считаете, образование какого максимального уровня смогут получить Ваши дети?

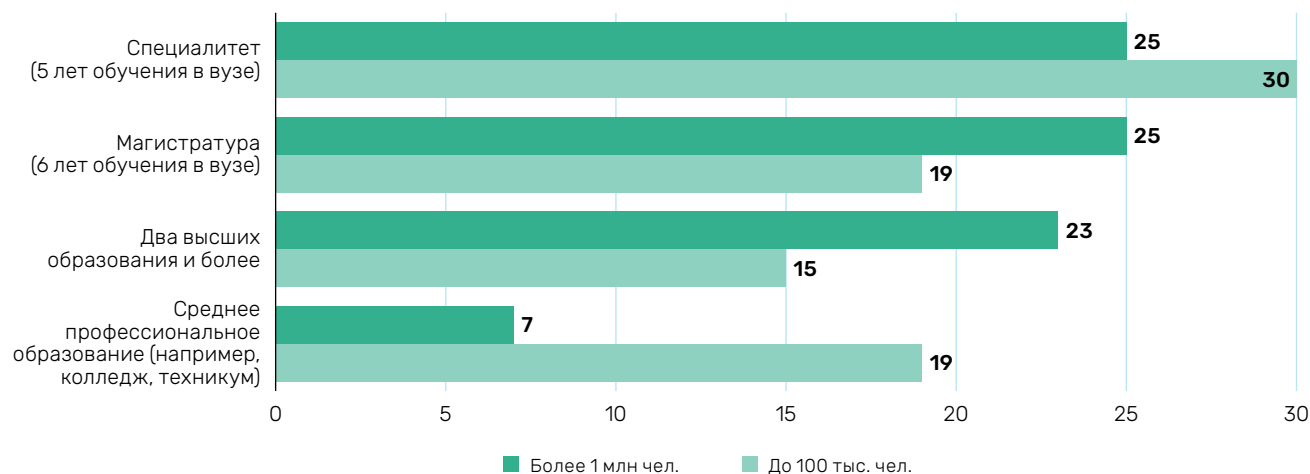

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 25. Образовательные ожидания родителей в зависимости от типа населенного пункта

(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Как Вы считаете, образование какого максимального уровня смогут получить Ваши дети?

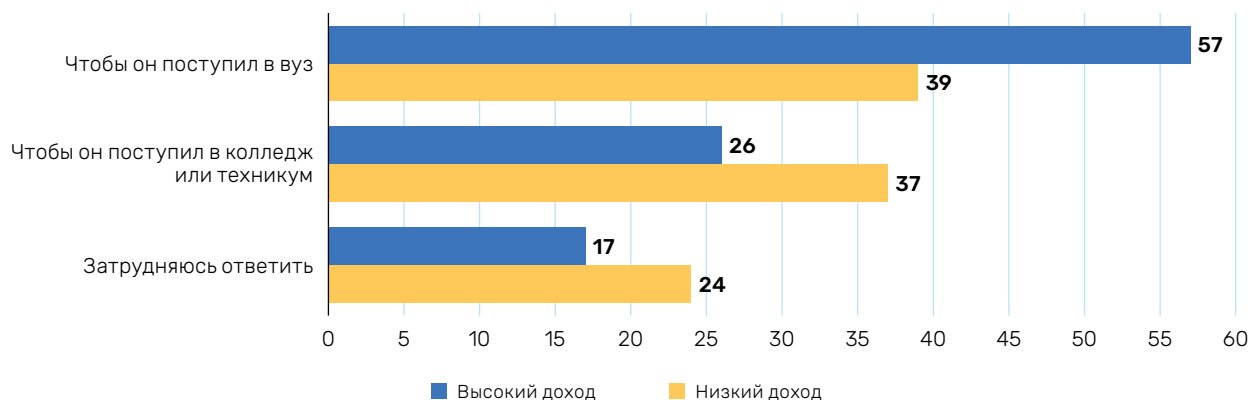
Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

высшего образования и только 5% — с высшим. Родители, сами не учившиеся в вузе, скептически относятся к тому, что их дети смогут окончить магистратуру (15% против 27%), получить два высших образования (14% против 21%). Среди родителей без высшего образования 9% хотят, чтобы их дети получили СПО, а 26% ожидают, что это будет максимальный уровень образования детей.

Рассматриваемый результат уже был показан на других российских данных: даже при одинаковых академических результатах дети из семей с низким СЭС реже выбирают академическую траекторию [Хавенсон, Чиркина, 2019]. Становится наглядной истинная картина притязаний и возможностей российских родителей, причем даже с учетом субъективной оценки. Данное наблюдение

Рис. 26. Предпочтительный выбор образовательной траектории для ребенка, по мнению родителей, в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

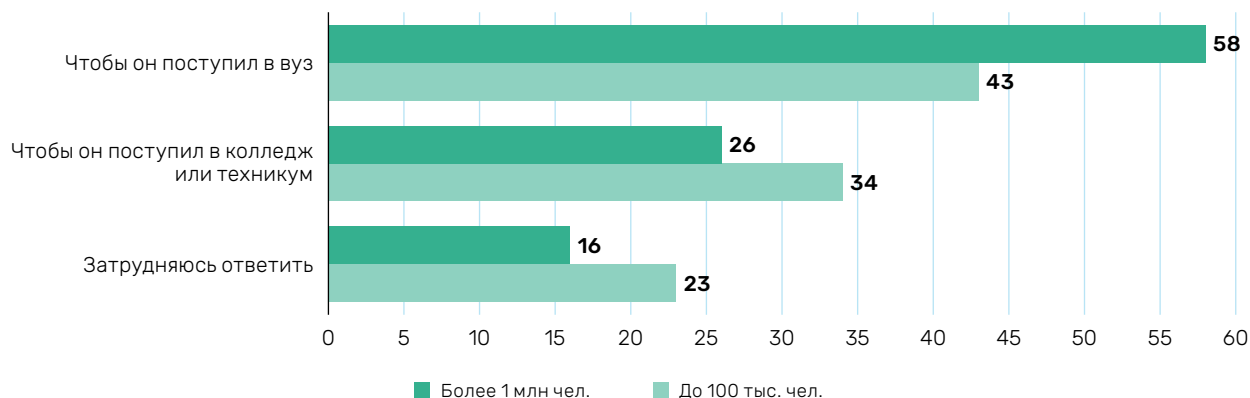
❓ Представьте себе ситуацию: Ваш ребенок может поступить в колледж или техникум с перспективой зарабатывать столько же, сколько он будет зарабатывать после вуза. Что в этой ситуации Вы бы предпочли, учитывая интересы Вашего ребенка?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 27. Предпочтительный выбор образовательной траектории для ребенка, по мнению родителей, в зависимости от типа населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Представьте себе ситуацию: Ваш ребенок может поступить в колледж или техникум с перспективой зарабатывать столько же, сколько он будет зарабатывать после вуза. Что в этой ситуации Вы бы предпочли, учитывая интересы Вашего ребенка?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

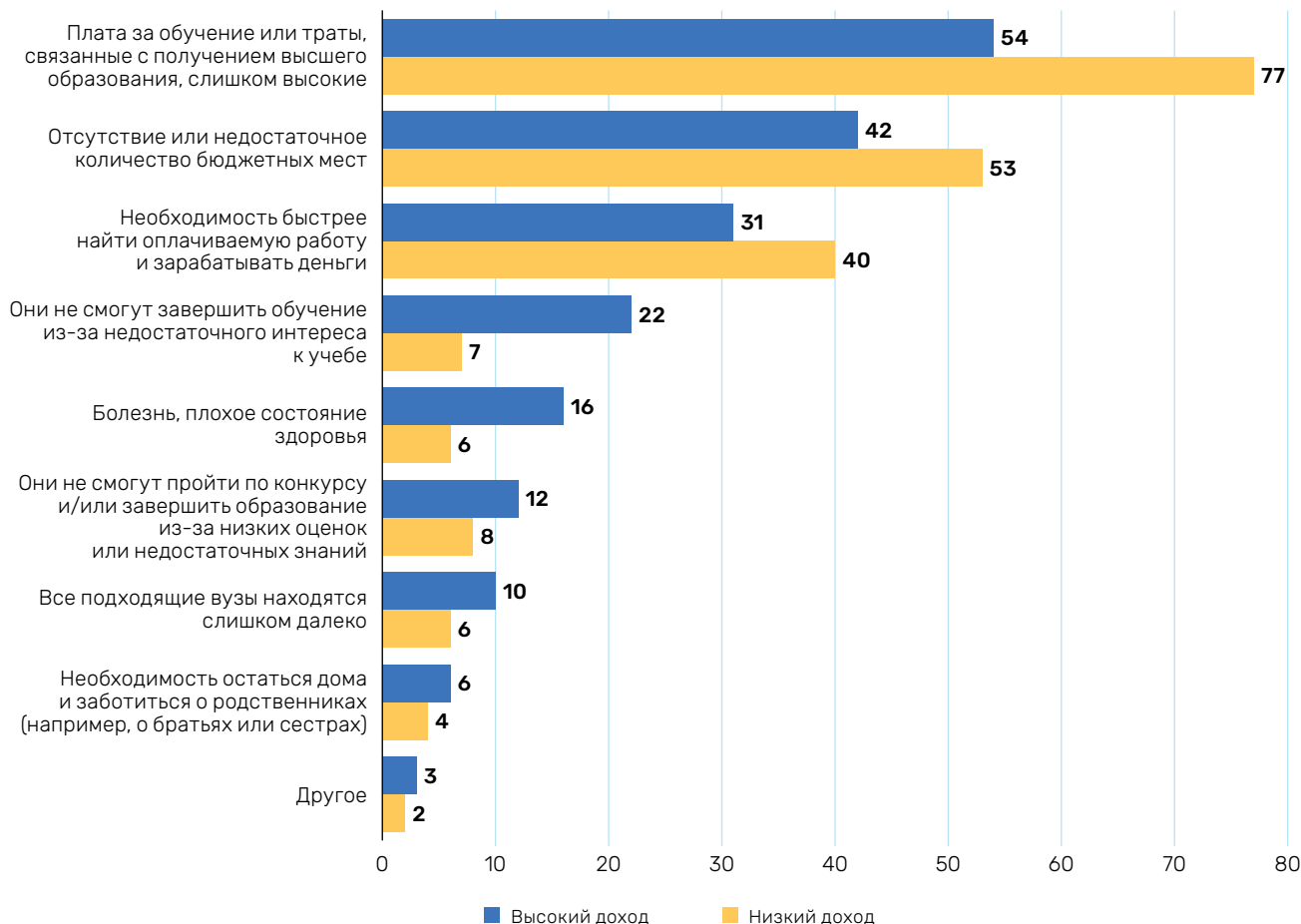
можно интерпретировать как самосбывающееся пророчество: ожидания родителей, влияющие на академические траектории детей [Yamamoto, Holloway, 2010], сбываются, в обществе закрепляется подобный паттерн ожиданий. Картина, которую мы видим по ответам на этот вопрос, отчасти корректируется при работе с данными о различиях в разрезе размера населенного пункта (рис. 23, 25).

Семьи с высоким доходом хотят, чтобы их дети шли в вуз, даже если это не сулит никакой прибавки в доходе (57% против 39% среди семей с низким доходом) (рис. 26), то же самое почти полностью повторяется в разрезе территориального деления (рис. 27). Вероятно, в семьях с высоким СЭС высшее образование в среднем ценится больше. Родители, окончившие вуз, не только обладают большим

**Рис. 28. Барьеры на пути получения образования
зависимости от уровня дохода семьи**

(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

? Что, на Ваш взгляд, может помешать Вашим детям получить высшее образование?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

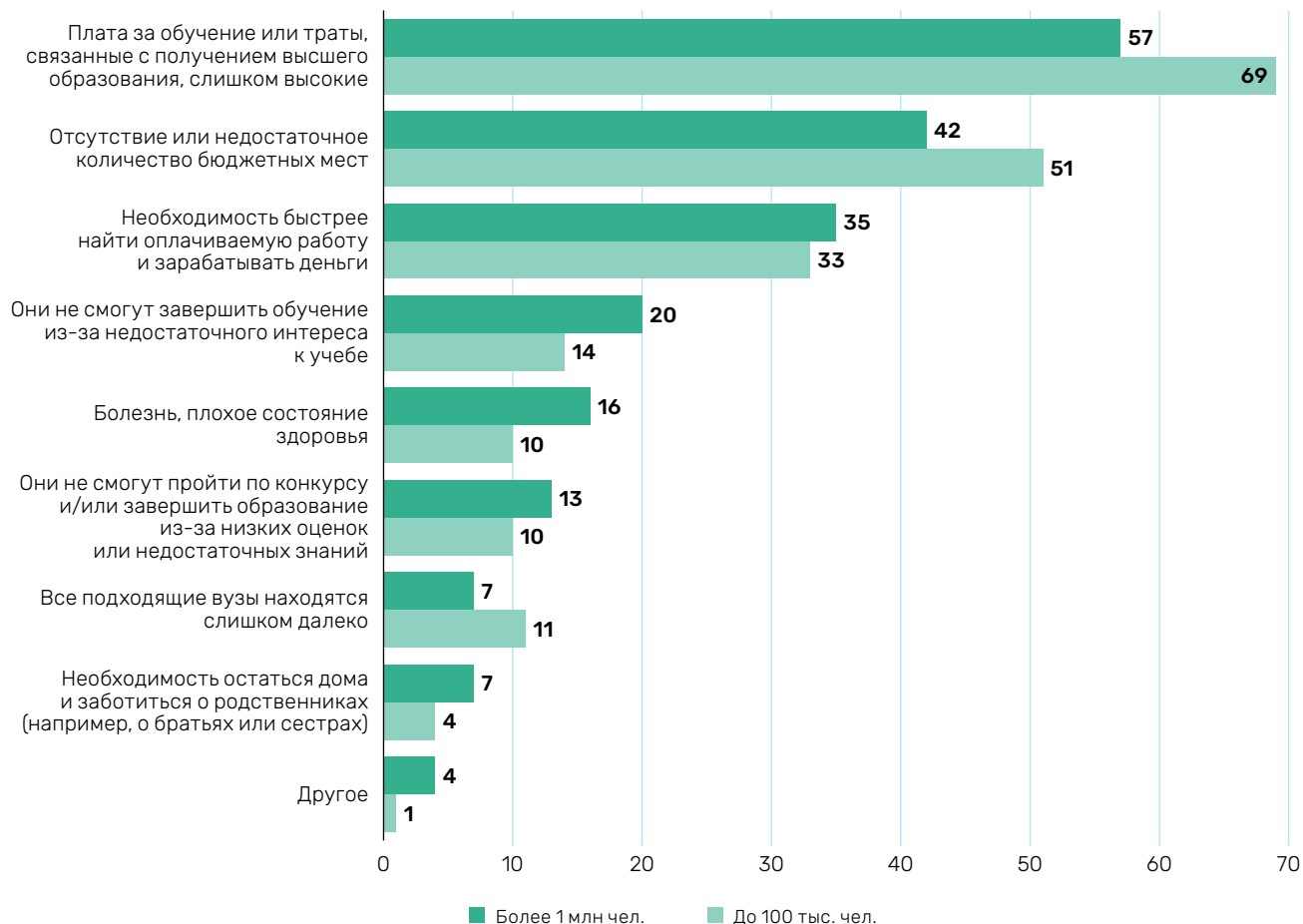
культурным капиталом, но и участвуют в процессе так называемой академической социализации: при взаимодействии в семье передают молодому поколению свой опыт и ожидания относительно ценности высшего образования [Watson, Vernon, Seddon et al., 2016]. Если объединить данный вывод с предыдущим выводом, окажется, что для изменения ситуации требуется системная работа с родителями с низким СЭС, но исследования показывают, что она не обязательно повлияет на их установки и даже может ухудшить ситуацию в связи с ростом ожиданий в тех случаях, где нет потенциальных возможностей для их реализации [Low, 2015].

Какие есть еще преграды на пути к получению высшего образования? С точки зрения

родителей, реализации притязаний на качественное высшее образование может помешать плата за обучение (рис. 28). Для родителей из обеспеченных семей проблема не так актуальна: ее отметили 54% родителей с высоким СЭС против 77% с низким, однако все еще остается наиболее важной даже для первых. Все варианты, связанные с недостатком материальных ресурсов, вызывают большую тревогу у родителей с низким СЭС: необходимость найти оплачиваемую работу (31% против 40%), отсутствие бюджетных мест (42% против 53%). Варианты, касающиеся мотивации (22% против 7%), способностей (12% против 8%, но разница незначима) и форс-мажоров (6% против 4%, но разница незначима), чаще выбирают родители с высоким уровнем доходов, но и в этой группе варианты,

Рис. 29. Барьеры на пути получения образования в зависимости от типа населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Что, на Ваш взгляд, может помешать Вашим детям получить высшее образование?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

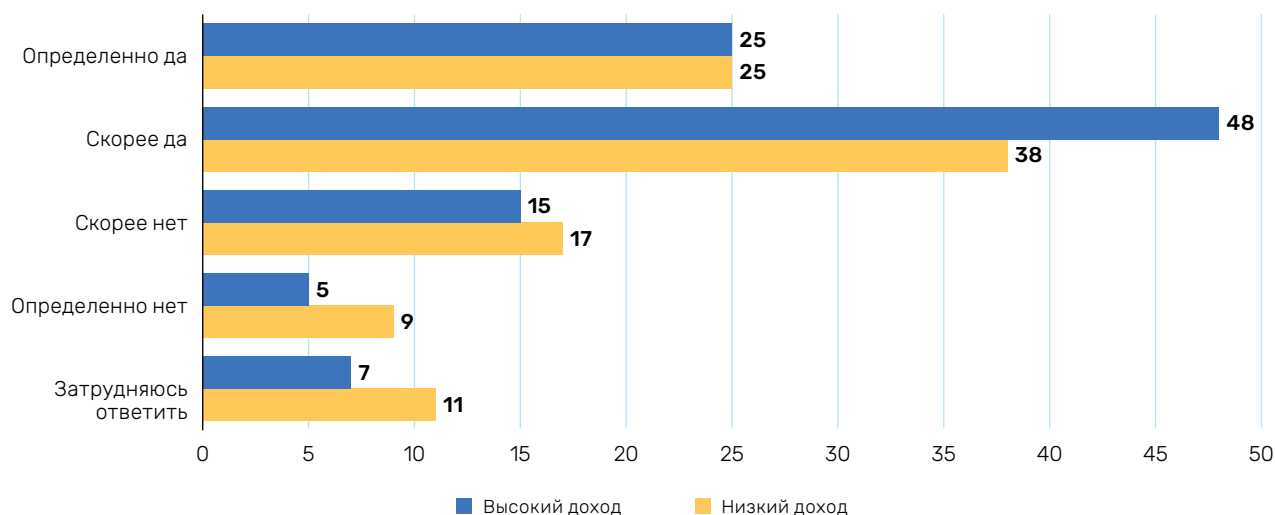
фиксирующие барьерную функцию материальных ресурсов, все равно лидируют.

Детям из семей с низким СЭС и живущим в населенном пункте меньшего размера нужно быстрее искать оплачиваемую работу, и родители учитывают это, когда отвечают на вопросы анкеты. Это соотносится с представленной выше желательностью поступления в СПО и тем, что в 2020 г. в учреждения СПО поступало больше абитуриентов, чем в вузы [РАНХиГС, 2021]. Проблематика оперативного поиска работы становится менее яркой в разрезе типа населенного пункта, а удаленность вузов — наоборот (рис. 29). Возможно, новые практики дистанционного получения высшего образования помогут жителям небольших городов решить эту проблему.

В заключение разберем меритократические установки родителей с разным СЭС (рис. 30). Среди всех родителей большинство считают, что дети, которые хорошо сдали экзамены, заслуженно получают хорошую образовательную траекторию, но и здесь есть разница между семьями с разным уровнем доходов. Так, среди родителей с высоким СЭС больше тех, кто считает справедливым, что дети с высокими результатами поступают в престижные вузы и находят хорошую работу (48% против 38%). В более широком контексте похожие взгляды оценивались по данным опроса россиян, проведенного Фондом «Общественное мнение» совместно с НИУ ВШЭ в 2013 г. Тогда 56% опрошенных согласились с тем, что культуру развивают лишь немногие талантливые люди.

Рис. 30. Мнения родителей о справедливости неравного доступа к качественному образованию в зависимости от уровня дохода семьи
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

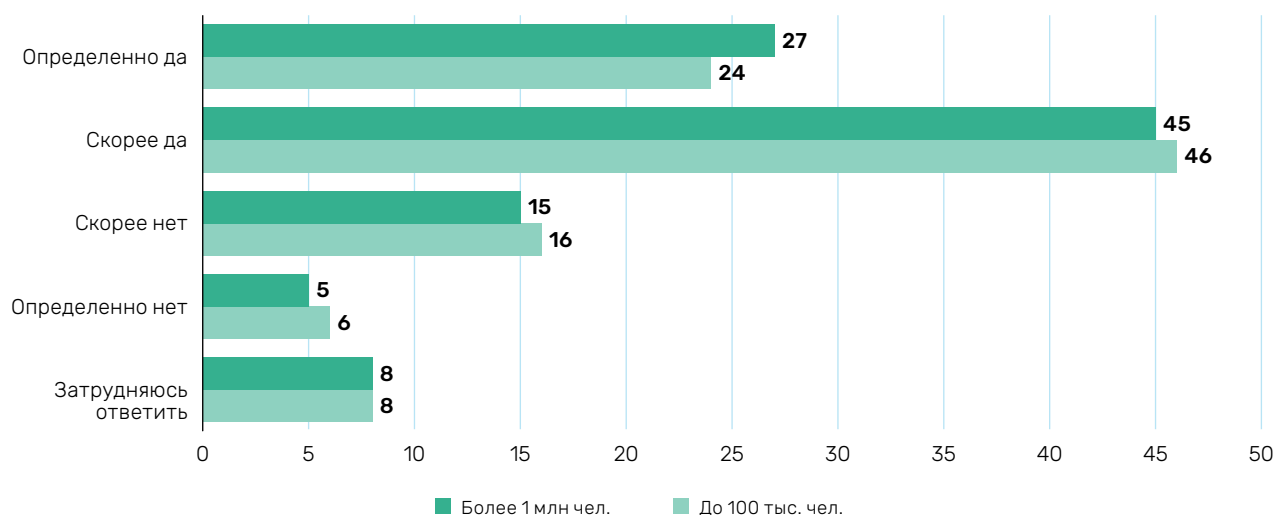
❓ Как Вы думаете, справедливо ли, что ученики с более высокими результатами ЕГЭ поступают в более престижные вузы и в перспективе находят более высокооплачиваемую работу?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

Рис. 31. Мнения родителей о справедливости неравного доступа к качественному образованию в зависимости от размера населенного пункта
(в процентах от численности ответивших родителей в каждой группе)

❓ Как Вы думаете, справедливо ли, что ученики с более высокими результатами ЕГЭ поступают в более престижные вузы и в перспективе находят более высокооплачиваемую работу?

Источник: НИУ ВШЭ, опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч. г.

На основе этого результата был сделан вывод, что «мифу об уравнительном сознании пришел конец» и более значимая роль и лучшее положение талантливых людей справедливы [Старцев, 2013]. Судя по распределению

ответов, мы не можем говорить о связи этих представлений с типом населенного пункта: распределение ответов практически идентично в разных по размеру населенных пунктах (рис. 31).

Ключевые результаты

- Родители с высокими доходами считают, что их дети стоят на образовательной лестнице выше остальных. Более того, даже возможности детей из семей с низкими доходами они оценивают выше, чем сами родители в таких семьях.
- Люди с высшим образованием реже считают, что все учащиеся равны в плане доступа к качественному образованию и высоким академическим результатам. Вероятно, так проявляется степень информированности родителей с разным уровнем образования.
- Родители с высоким уровнем доходов чаще, чем родители с низким, считают, что ответственность за образовательные успехи детей несут сами дети и их семьи.
- Вероятно, субъективное восприятие образовательного неравенства сказывается на сохранении реального образовательного неравенства и потому является самосбывающимся пророчеством.
- Высшее образование имеет символическую ценность: родители считают получение высшего образования важным вне зависимости от потенциального дохода.
- Родители с высоким СЭС придают больше значения дальнейшей образовательной и профессиональной траектории ребенка, а с низким СЭС — социальным характеристикам (успешному браку, большому количеству друзей).
- Родители с низким СЭС чаще, чем с высоким, считают, что необходимо поддерживать отстающих в обучении учеников, а с одаренными и талантливыми — ситуация обратная: на необходимость их поддержки чаще указывают родители с высоким СЭС.

Заключение

В исследовании мы сделали первые шаги в рассмотрении новой для российской науки темы — субъективного восприятия образовательного неравенства. Полученные результаты говорят о том, что это важный ракурс общей темы образовательного неравенства, целесообразно дополнить уже изученные механизмы его появления и воспроизводства. Далее мы хотели бы поделиться идеями относительно возможных выводов и перспектив работы в этом направлении.

В первую очередь необходимо обратить внимание на выявленный запрос родителей на социальную справедливость в образовании в части распределения благ [Gewirtz, 1998]. Есть родители, которые, с одной стороны, не совсем довольны системой (распределением ресурсов, шансами и пр.), с другой — не готовы брать на себя ответственность за образовательные результаты детей. Немало и тех, кто склонен возлагать и даже перекладывать ответственность за качество образования на школу. И наоборот, школы возлагают ответственность скорее на ребенка и его семью [Клячко, Семионова, Токарева, 2019; Константиновский, Пинская, Звягинцев, 2019].

Мы предполагаем, что позиция родителей связана не с недостатком мотивации или ленью, а, скорее всего, с тем, что они не имеют достаточной информации о возможностях и необходимых ресурсах (в том числе времени) для их использования. Несмотря на проведенные реформы (публичная отчетность, сайты, коллегиальные органы управления), российская система образования все еще довольно закрыта в плане общения с родителями, объяснения им происходящих процессов, мотивирующей коммуникации. Вероятно, школы не вполне адекватно высказывают свои ожидания в отношении родителей.

Решению существующей проблемы могло бы содействовать увеличение прозрачности

системы образования, ее открытость к диалогу с учащимися и их семьями, считается, что это потенциально эффективный способ решения проблем социального неравенства [Селина, 2021]. Таким образом можно повысить осознанность и ответственность школьников и их семей за образование, определить эффективные способы поддержки со стороны школы и сбалансировать распределение ответственности между семьями и школой, соотнести самостоятельность и патернализм. Важно помнить, что когда дело касается экономического неравенства, информирование о нем и его уровне требует осторожного подхода. Как показывают экспериментальные исследования, информирование населения об уровне экономического неравенства не вызывает желания проявить гражданскую активность, направленную на перераспределение ресурсов, скорее, актуализируется коррекция способа легитимации существующей системы [Trump, 2018]. Об этом свидетельствуют и наши данные, касающиеся образовательного неравенства: немало российских родителей считают вполне справедливой существующую систему как минимум в том, что касается образовательной траектории школьников. Более того, респонденты, имеющие более высокие доходы или уровень образования, чаще говорят о справедливости системы, даже если дело касается не их собственных детей. В связи с этим прямое информирование об уровне неравенства может привести к еще большему расслоению общества. Требуются программы информационной поддержки населения в части возможностей, которые доступны их детям, и способов реализовать эти возможности.

Второй важный вывод, который мы можем сделать, сопоставив результаты данной работы с исследованием неравенства в российском

образовании, заключается в том, что субъективная оценка родителей в целом соотносится с объективной российской реальностью. Учащиеся из семей с высоким СЭС успешнее, чем из семей с низким [Капуза Керша, Захаров и др., 2017]. Более того, в российских школах есть сильный композиционный эффект: чем больше в школе детей из семей с высоким СЭС, тем выше результаты любых учащихся этой школы [Керша, 2020]. Таким образом, общество вполне осознанно принимает существующий порядок вещей. Вероятно, это должно стать сигналом для политиков: борьба с неравенством в образовании должна предусматривать работу с общественным мнением.

В качестве ответа на эти вызовы целесообразно применить теорию «подталкивания»

(nudge): вместо информирования общества о существующих проблемах образовательного неравенства напрямую государство может заняться «высвечиванием» отдельных образовательных траекторий для конкретных детей и семей. Например, вместо практик позитивной дискриминации с квотированием в высшем образовании, которые были распространены в СССР, государство могло бы использовать существующие практики таргетированной рекламы в социальных сетях, чтобы скорректировать неравные доли выходцев из разных социальных групп в том же высшем образовании. Пока достаточно сложно представить себе последствия таких мер, но в обществе, где смартфон есть практически у всех, направление представляется перспективным.

Список источников

- Капуза А. В., Керша Ю. Д., Захаров А. Б. и др. (2017). Образовательные результаты и социальное неравенство в России: динамика и связь с образовательной политикой // Вопросы образования. С. 10–35. <https://vo.hse.ru/2017--4/213247668.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- Керша Ю. Д. (2020). Социально-экономическая композиция школы как фактор воспроизводства неравенства в образовании // Вопросы образования. С. 85–112. <https://vo.hse.ru/2020--4/425723995.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- Клячко Т. Л., Семионова Е. А., Токарева Г. С. (2019). Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования. С. 71–92. <https://vo.hse.ru/2019--4/323798985.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С. (2019). Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. № 5. С. 14–25.
- Куракин Д. (2020). Трагедия неравенства: расчеловечивая тотального человека // Социологическое обозрение. № 19. С. 167–231. <https://sociologica.hse.ru/2020-19-3/403294728.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- Пинская М. А., Хавенсон Т. Е., Косарецкий С. Г. и др. (2018). Поверх барьеров: исследуем резильентные школы // Вопросы образования. С. 198–227. <https://vo.hse.ru/2018--2/221353073.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- РАНХиГС (2021). Эксперт РАНХиГС Татьяна Клячко: «Доля работников с высшим образованием достигла своего пика». <https://ipei.ranepa.ru/ru/sobytiya-ceno/3466-ekspert-rankhigs-tatyana-klyachko-dolya-rabotnikov-s-vysshim-obrazovaniem-dostigla-svoego-pika> (дата обращения: 01.02.2022).
- Селина М. В. (2021) «Решать проблему неравенства можно только одним способом – информированием» // НИУ ВШЭ. <https://iq.hse.ru/news/510550011.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- Старцев Б. Ю. (2013) Поддержка одаренных детей: найти и обеспечить // НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/news/community/77220639.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- ФОМ (2020) О качестве российского высшего образования. <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436> (дата обращения: 01.02.2022).
- Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. (2019). Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // The Journal of Social Policy Studies. № 17. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554> (дата обращения: 01.02.2022).
- Amini C., Nivorozhkin E. (2015). The urban-rural divide in educational outcomes: Evidence from Russia // International Journal of Educational Development. Vol. 44. P. 118–133. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2015.07.006> (дата обращения: 01.02.2022).
- Bourdieu P. (1986). The Forms of Capital. Education: Culture, Economy, and Society. [S.l.] P. 46–58. <https://doi.org/10.1002/9780470755679.ch15> (дата обращения: 01.02.2022).
- Cappelen A. W., Falch R., Tungodden B. (2020). Fair and Unfair Income Inequality // Handbook of Labor, Human Resources and Population Economics. P. 1–25 (дата обращения: 01.02.2022).

- Colclough C. (2012). Education, poverty and development – mapping their interconnections // *Comparative Education*. Vol. 48, N 2. P. 135–148. <https://doi.org/10.1080/03050068.2011.608891> (дата обращения: 01.02.2022).
- Coleman J. (1966). Equality of Educational Opportunity // *Educational Theory*. Vol. 26, N 1. P. 3–18. <https://doi.org/10.1111/j.1741-5446.1976.tb00708.x> (дата обращения: 01.02.2022).
- Dietrichson J., Bøg M., Filges T. et al. (2017). Academic Interventions for Elementary and Middle School Students With Low Socioeconomic Status: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Review of Educational Research*. Vol. 87, N 2. P. 243–282. <https://doi.org/10.3102/0034654316687036> (дата обращения: 01.02.2022).
- Gewirtz S. (1998). Conceptualizing social justice in education: mapping the territory // *Journal of Education Policy*. Vol. 13, N 4. P. 469–484. <https://doi.org/10.1080/0268093980130402> (дата обращения: 01.02.2022).
- Gimpelson V., Treisman D. (2018). Misperceiving inequality // *Economics & Politics*. Vol. 30, N 1. P. 27–54. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/escp.12103> (дата обращения: 01.02.2022).
- Goudeau S., Croizet J.-C. (2016). Hidden Advantages and Disadvantages of Social Class: How Classroom Settings Reproduce Social Inequality by Staging Unfair Comparison // *Psychological Science*. Vol. 28, N 2. P. 162–170. <https://doi.org/10.1177/0956797616676600> (дата обращения: 01.02.2022).
- Kay J. S., Shane J., Heckhausen J. (2017). Youth's Causal Beliefs About Success: Socioeconomic Differences and Prediction of Early Career Development // *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 46, N 10. P. 2169–2180. <https://doi.org/10.1007/s10964-017-0708-2> (дата обращения: 01.02.2022).
- Kudrna L., Furnham A., Swami V. (2010). The influence of social class salience on self-assessed intelligence. In *Social Behavior and Personality* // *An International Journal*. Vol. 38, N 6. P. 859–864. <https://doi.org/10.2224/sbp.2010.38.6.861> (дата обращения: 01.02.2022).
- Low R. Y. S. (2015). Raised parental expectations towards higher education and the double bind // *Higher Education Research & Development*. Vol. 34, N 1. P. 205–218. <https://doi.org/10.1080/07294360.2014.934333> (дата обращения: 01.02.2022).
- Niedlich S., Kallfaß A., Pohle S. et al. (2021). A comprehensive view of trust in education: Conclusions from a systematic literature review // *Review of Education*. Vol. 9, N 1. P. 124–158. <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/rev3.3239> (дата обращения: 01.02.2022).
- Roex K. L. A., Huijts T., Sieben I. (2018). Attitudes towards income inequality: 'Winners' versus 'losers' of the perceived meritocracy // *Acta Sociologica*. Vol. 62, N 1. P. 47–63. <https://doi.org/10.1177/0001699317748340> (дата обращения: 01.02.2022).
- Sirin S. R. (2005). Socioeconomic Status and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review of Research // *Review of Educational Research*. Vol. 75, N 3. P. 417–453. <http://www.jstor.org/stable/3515987> (дата обращения: 01.02.2022).
- Stern M. J., Adams A. E., Elsasser S. (2009). Digital Inequality and Place: The Effects of Technological Diffusion on Internet Proficiency and Usage across Rural, Suburban, and Urban Counties // *Sociological Inquiry*. Vol. 79, N 4. P. 391–417. <https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.2009.00302.x> (дата обращения: 01.02.2022).
- Sy S. R., Fong K., Carter R. et al. (2011). Parent Support and Stress among First-Generation and Continuing-Generation Female Students during the Transition to College // *Journal of College Student Retention: Research, Theory & Practice*. Vol. 13, N 3. P. 383–398. <https://doi.org/10.2190/CS.13.3.g> (дата обращения: 01.02.2022).
- The World Bank (2021) Education as the great leveler? Not necessarily, says new research. <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2021/11/30/education-as-the-great-leveler-not-necessarily-says-new-research> (дата обращения: 01.02.2022).
- Trump K.-S. (2018). Income Inequality Influences Perceptions of Legitimate Income Differences // *British Journal of Political Science*. Vol. 48, N 4. P. 929–952. <https://doi.org/DOI: 10.1017/S0007123416000326> (дата обращения: 01.02.2022).
- Watson S., Vernon L., Seddon S. et al. (2016). Parents influencing secondary students' university aspirations: A multilevel approach using school-SES // *Issues in Educational Research*. Vol. 26, N 4. P. 673–693.

Wiederkehr V., Darnon C., Chazal S. et al. (2015). From social class to self-efficacy: internalization of low social status 'pupils' school performance // *Social Psychology of Education*. Vol. 18, N 4. P. 769–784. <https://doi.org/10.1007/s11218-015-9308-8> (дата обращения: 01.02.2022).

Yamamoto Y., Holloway S. D. (2010). Parental Expectations and Children's Academic Performance in Sociocultural Context // *Educational Psychology Review*. Vol. 22, N 3. P. 189–214. <https://doi.org/10.1007/s10648-010-9121-z> (дата обращения: 01.02.2022).

Zimmerman J. L., Reyna C. (2013). The meaning and role of ideology in system justification and resistance for high- and low-status people // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 105, N 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.1037/a0032967> (дата обращения: 01.02.2022).

**Керша Юлия Дмитриевна,
Звягинцев Роман Станиславович**

СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА ШКОЛЬНИКОВ

Информационный бюллетень

Редактор О.С. Капполь
Дизайн И.В. Цыганков
Компьютерный макет А.Н. Корзун

Подписано в печать 07.04.2022.
Формат 60×84¹/₈. Бумага мелованная. Печ. л. 4.0.
Тираж 60 экз. Заказ № 21313

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, Мясницкая ул., 20

Отпечатано в ООО «АйПринт»
105062, Москва, Подсосенский пер., 23, стр. 5
Тел.: +7 (499) 648-17-02

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ)

Проект
«Мониторинг экономики
образования»

Сборник
«Мониторинг экономики
образования: 2020»

Информационные бюллетени
серии «Мониторинг экономики
образования»

Статистический сборник
«Индикаторы образования»

Краткий статистический сборник
«Образование в цифрах»

Статистический обзор
«Высшее образование
в России»

Статистический обзор
«Дошкольное образование
в России»

